

32. Зап. С. Калашниковым от Юрия Берковича, 20 лет. Ленинград, 1990 г.

Вариант 7–8 стихов:

Они смотрели иногда,

Не застоялась ли... вода.

33. Зап. М. Лурье от Ольги Сыровой, 20 лет. Ленинград. 1990 г.

34 – 38. Зап. И. Закиной от Лейды Смирновой, 13 лет. Таллин, 1986 г.

39 – 43. Самозапись Михаила Лурье, 21 года. Ленинград. 1990 г.

44. Зап. Е. Кулешов от подростков 12–14 лет в д/л «Спутник», 1991 г.

45. Самозапись Михаила Лурье, 21 года. Ленинград. 1990 г.

«САДИСТСКИЕ СТИШКИ»

Автором «саdistских стишков» многие считают ленинградского поэта Олега Григорьева (1943 – 1992). Между тем из общеизвестных произведений этого жанра к стихотворениям Олега Григорьева восходит лишь четверостишие про «электрика Петрова», которое не только в ритмическом плане, но и по форме повествования отнюдь не является типичным образцом «саdistских стишков». Авторство Олега Григорьева – легенда, характерная для современного восприятия фольклора.

В начале 90-х годов я начал искать реальных авторов «саdistских стишков». Имея несколько «наводок», ограничился одной. Встретившись с Игорем Мальским и послушав его рассказы о том, как эти тексты появились в ленинградской хипповской «коммуне», возникшей осенью 1977 года на Приморском шоссе, я поверил, что так оно и произошло. Опубликовав в 1995 году его воспоминания¹, я тем не менее стал ждать возражений и опровержений. Возражения действительно были: некоторые люди говорили и писали мне о том, что они слышали кое-какие из «саdistских стишков» еще в середине 70-х годов. Особого значения этим возражениям я не придавал, считая, что причиной тому – несовершенство человеческой памяти. Опровержений же воспоминаний Игоря Мальского о создании будущих «саdistских стишков» в «коммуне» на Приморском шоссе не было. Это и побудило меня изло-

¹ См.: Белузов А. Ф. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: К вопросу о происхождении «саdistских стишков» // Лотмановский сборник. I. М., 1995. С. 681 – 691.

жить историю «садистских стишков», исходя из наших разговоров с Игорем Мальским¹.

Лишь в самое последнее время его воспоминания категорически опроверг бывший президент «коммуны» Феликс Виноградов, заявивший, что к созданию упомянутых Игорем Мальским текстов «коммунары» не имеют никакого отношения. Эти тексты, по словам Феликса Виноградова, были известны еще до возникновения «коммуны». Выходит, что воспоминания Игоря Мальского являются очередной легендой о происхождении «садистских стишков»? Обстоятельства, к сожалению, пока не способствуют полному и окончательному выяснению истины. Однако от использования вызвавших сомнения материалов воздержусь. Любознательный читатель может познаться с ними не только по малотиражным и труднодоступным научным сборникам, но и по популярным периодическим изданиям².

История «садистских стишков» начинается, таким образом, со второй половины 70-х годов. Очевидно, что именно в это время тексты о «маленьком мальчике» стали распространяться среди студенческой молодежи: сначала — Москвы и Ленинграда, а затем и других крупных городов. Они представляли собой дву- или четырехстрочные «куплеты», которые отличались глубоко своеобразным подходом к «страхам и ужасам» действительности. Эти «страхи и ужасы» описывались здесь совершенно иначе, чем в обычных наших текстах, муслирующих всяческие опасности и разнобразные бедствия.

Изображая страшные события, «куплеты» зачастую поддают их в таком гиперболизированном и карикатурном виде, который делает «страхи и ужасы» совершенно неправдоподобными. Опасностей на улице хватает, но никто еще, кажется, не был раздавлен катком, а если дети и

¹ См.: Белушов А. Ф. Возникновение «садистских стишков»: Предыстория фольклорного жанра // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. тр. и маг. Вып. 2. М., 1996. С. 87 — 90; *Belousov Alexander. The Ehergy of Confrontation: A history of russian sadistic poems* // Contemporary Folklore: Changing world view and tradition. Tartu, 1996. P. 311 — 320.

² См. «Комсомольскую правду» за 19 октября 1996 г. и «Петербург-Экспресс» (1996. № 11. С. 18).

гибнут под колесами трамвая, то не сразу же целым отрядом. Могут причинить зло ребенку и взрослые, которые иногда убивают даже своих детей, однако обстоятельность, при которых гибнет девочка, попросившая у мамы конфетку, слишком невероятны, и уж совсем невозможен сторож, пристреливающий сорок второго ребенка. Вымышленным и граничащим с фантастикой происшествием вполне соответствует главный герой «куплетов». Он должен воплощать собой типичный и универсальный образец легкомыслия и неосторожности. А между тем в его образе нередко проступают черты самого настоящего «дурачка», исключительная наивность, крайне безрасудство и совершенная неразвитость которого опасны не только для него самого, но и для окружающих, подвергающихся насилию и даже гибнущих лишь потому, что он не ведает, что творит. Легкомыслие и неосторожность ребенка порою утрированы до такой степени, что герой «куплетов» оказывается столь же неправдоподобным, как далеки от действительности многие из происходящих с ним событий. Изображается чисто условный, гротескный мир, дискредитирующий «страхи и ужасы»: страшное становится смешным.

Осмеиваются отнюдь не реальные опасности и несчастья. Об этом свидетельствует и стилистика «куплетов». Характерная для них нейтральная, «протокольная» манера повествования время от времени вдруг приобретает несвойственную ей эмоциональную окраску, которую придают экспрессивные элементы как «детской» речи, так и поэтического языка. Между тем они используются в таком виде или в таком контексте, который сразу же заявляет их заведомо пародийный смысл:

Добренький дядя спичку поднес;

Нет, не достроит... Хватил паралич;

Долго мне будут снится во сне

Ее голубые глаза на сосне.

Воссоздается и дискредитируется фон, на котором возникли «куплеты». Осмеивая словесность, отличающуюся особой эмоциональной экспрессивностью, «куплет» проти-

